

В. П. БОРИСОВ

НАУЧНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ РОССИИ: ИСТОКИ И ФОРМИРОВАНИЕ

«Самый великий человек в истории химии» В. Н. Ипатьев [1, с. 62]*, «щедрый подарок американскому континенту» В. К. Зворыкин [2, с. 445], «открыватель новой эры в прикладной механике» С. П. Тимошенко (цит. по [3, с. 13]) — таких эпитетов со стороны западных коллег удостаивались российские ученые, работавшие в эмиграции. И вместе с тем — «невозвращенцы», «продавшиеся империалистам за тарелку чечевичной похлебки». Так характеризовала тех же ученых официальная пресса в нашей стране. Впрочем, еще чаще советская печать о подобных «отщепенцах» не отзывалась никак; длительное время биографические очерки о русских ученых-эмигрантах изымались из получаемых нашими библиотеками иностранных научных журналов в соответствии с приказом бдительного Комитета по охране тайн в печати.

В Словаре русского языка эмиграция определяется как «вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или иным причинам» [4, с. 834]. Когда и почему такое вполне мотивированное переселение стало вызывать реакцию, подобную той, что звучала со страниц газеты «Правда» (см. выше)? Человек, знакомый с судьбами русских эмигрантов, считает такую реакцию одним из проявлений большевистской тирании, но будет прав лишь отчасти.

Неприятнь к «отъездчикам», покидавшим Российское государство, уходит корнями в далекое прошлое. «Мы не странствовали, — писал о россиянах XIV—XVI вв. Н. М. Карамзин, — ибо не имели обычая странствовать, еще не имея любопытства, свойственного уму образованному» [5, с. 145]. То, что Карамзин относил к отсутствию «обычая», посол Англии в Москве в XVI в. Дж. Флетчер расценивал как государственную политику: «...цари вообще не доброхотствуют и народному образованию; не любят новостей, не пускают к себе иноземцев, кроме людей, нужных для их службы, и не дозволяют подданным выезжать из отечества, боясь просвещения, к коему россияне весьма способны, имея много ума природного...» (цит. по [5, с. 146]).

За границу в те времена уезжали, а вернее сказать, бежали в основном «изменники» — те, кто опасался царской немилости или замыслил против государя какую-нибудь «мерзлячку». Наилучшим Зарубежьем для осуществления коварных замыслов довольно долго считалась Литва. Сюда устремлялись почти все, начиная от князей Шемякина и Верейского и кончая Гришкой Отрепьевым. Оказался в Литве, спасаясь от гнева царя Иоанна Васильевича, и князь Андрей Курбский. По существу, Андрея Курбского можно отнести к первым представителям научного Зарубежья России: опальный князь свободно читал по-латыни, переводил Цицерона, написал несколько исторических работ. К сожалению, участие в боевых действиях против России бросает тень на его репутацию как ученого-эмигранта.

Попытку порвать с неразумными традициями предпринял Борис Годунов: в 1602 г. им была послана для обучения в ведущих учебных заведениях Европы группа из восемнадцати юношей. Из-за бурных событий в государстве об этих студентах на какое-то время забыли и вспомнили лишь при царе Михаиле Фе-

* Возможно, оценка, данная Ипатьеву, покажется кому-то завышенной. Поясним, что процитированное мнение об Ипатьеве высказал лауреат Нобелевской премии Р. М. Вильштеттер.

доровиче. Настойчивые усилия разыскать молодых специалистов и вернуть их на родину оказались, однако, безуспешными (об этом см. в [6, с. 30]). Выучив язык и преуспев в науке, посланцы Бориса Годунова по ведомым только им причинам нашли, вероятно, прибежище за границей, образовав первую маленькую волну российской научной эмиграции.

Великий реформатор Петр Первый сделал многое, чтобы преодолеть изоляцию России от Запада в области науки и культуры. «Под вопли родителей, — пишет историк Е. В. Анисимов, — дворянские отроки отправлялись за счет государства за границу, где они обучались различным специальностям» [7, с. 304].

В какой-то степени цель была достигнута: в XVIII в. выезд за границу для получения образования перестал быть экзотикой. Широкие научные контакты, включая длительные поездки российских ученых за рубеж, начались, однако, значительно позже — примерно с середины XIX в. Распространенной формой научного общения к этому времени стало участие российских ученых в международных и национальных научных съездах, проходивших в других странах. Кроме того, многие университеты и институты ввели в практику направление за границу «для подготовки к профессорскому званию». Некоторые ученые выезжали из России для того, чтобы работать в исследовательских центрах, имевших высокий научный авторитет, пользоваться признанными коллекциями, посещать библиотеки, музеи и т. п. Побудительные мотивы поездок могли существенно различаться, но решение оставаться за рубежом на многие годы, иногда до конца жизни, как правило, было связано с социально-политической ситуацией в России.

Недовольство полицейско-бюрократическими порядками во второй половине XIX в. было причиной многих конфликтов в различных слоях российского общества. После студенческих волнений 1861 г. и Казанского заговора 1863 г. значительно возрос поток политической эмиграции. Политические настроения всегда находили отзвук в профессорско-преподавательской среде. В разной степени, но почти все ученые, покинувшие Россию во второй половине XIX — начале XX в., оказались причастными к открытым конфликтам с властями или образовательной системой. При этом если физикохимик В. Ф. Лугинин вступил в прямую борьбу с царизмом, примкнув к «Кооперативному движению», то физиолог И. Ф. Цион, являясь поборником самодержавия, остался за рубежом из-за несогласия с финансовой политикой в России. Историк, юрист и этнограф М. М. Ковалевский выехал из страны после того, как был отстранен от преподавания в Московском университете за критику (весьма умеренную) бюрократической системы. Непримирым противником самодержавия и как следствие этого — эмигрантом стал генерал царской армии, известный географ, путешественник и этнограф М. И. Венюков. Для выдающегося биолога И. И. Мечникова, прожившего большую часть жизни во Франции, невыносимой была сама атмосфера казенщины и административного произвола, царившая в Новороссийском университете. Дважды подавал в отставку в знак протеста против реакционных порядков в Московском университете историк П. Г. Виноградов, уехавший после этого навсегда в Англию. Перечень видных ученых, ставших представителями научного Зарубежья России еще до Октябрьской революции, можно было бы продолжить.

И все-таки в современной литературе, говоря о первой волне русской эмиграции, имеют в виду выезд наших соотечественников за рубеж с 1917 по 1940 г. Такому подходу есть свое объяснение.

Эмиграция из страны после Октябрьской революции в отличие от той, что была раньше, носила массовый характер. Уже в 1917—1921 гг. число покинувших Россию составило около 2 млн. человек (см. [8, с. 475]).

В общем потоке уехавших из большевистской России в период гражданской войны и после нее оказались многие представители интеллигенции, включая деятелей науки, техники и высшей школы. Были они среди тех, кто пересек Черное море вместе с частями победенной белой армии. Покидали ученые страну, случалось, и целой группой по «гуманному» решению советского правительства, убежденного в их «скрытой активной контрреволюционной деятельности»

(высылка в 1922 г. более ста представителей интеллигенции). Уезжали они и поодиночке, используя для этого научные командировки, поездки по приглашениям и любые другие возможности пересечь границу, запирающуюся на все более прочный «замок».

Нельзя сказать, чтобы на Западе выходцев из России ожидали сколько-нибудь близкие к привычным условия для научной и педагогической деятельности. Тем удивительнее результаты, которых удалось достичь представителям русской научной эмиграции в течение всего нескольких лет.

Оказавшись за пределами своей родины, большинство российских ученых и преподавателей высшей школы видели свою задачу не только в том, чтобы найти лабораторию или кафедру для продолжения собственных научных занятий, но и в том, чтобы воссоздать русское научное (академическое) сообщество, получить возможность обсуждать и публиковать труды на русском языке, обеспечить квалифицированное образование и передачу научных традиций молодому поколению русского Зарубежья. Работа в этом направлении велась с удивительной энергией и принесла вскоре ощутимые плоды.

Один из видных деятелей науки русского Зарубежья, бывший ректор Московского университета М. М. Новиков писал об этом так: «Часто приходится слышать, что русские — плохие организаторы. <...> Однако русские ученые представляют в этом отношении счастливое исключение.

Как только они осели в эмиграции, среди них началась деятельная работа по созданию общественных организаций. В результате очень скоро возникли Общество русских ученых в Югославии и Русские академические группы в Берлине, Болгарии, Великобритании, Италии, Константинополе, Париже, Польше, Риге, Швеции, Швейцарии, Финляндии, Эстонии и Чехословакии. Впоследствии итальянская и польская группы замерли, но зато вновь образовались отдаленные Харбинская и Северо-Американская академические группы» [9, с. 4—5]. Уже в 1921 г. прошел первый съезд академических организаций русского Зарубежья.

Постепенно выявились центры научной жизни русской эмиграции, куда устремилось значительное количество выходцев из России и где были созданы высшие учебные заведения, курсы, факультеты с преподаванием на русском языке. Необходимым условием для формирования таких центров была лояльность местного законодательства по отношению к национальным меньшинствам, наличие традиционных научных связей с Россией и др. Отнюдь не во всех странах русских эмигрантов ждали с распростертыми объятиями; характерные «приливы» и «отливы» научной активности русских в разных городах являлись отражением сложного процесса поиска благоприятной среды для деятельности вновь приехавших ученых и преподавателей высшей школы.

В начале 20-х гг. одним из таких центров стал Берлин. Созданная здесь Русская академическая группа основала Русский институт, имевший связи с Берлинским университетом, Высшей технической школой и рядом других научных учреждений Германии. Высланная в 1922 г. из Советской России группа философов во главе с Н. А. Бердяевым организовала в Берлине Свободную духовную и философскую академию. Лекции и дискуссии на религиозные темы, проводившиеся в академии, пользовались особой популярностью среди русских эмигрантов в период пребывания в ней Бердяева.

Русский институт просуществовал недолго. К середине 20-х гг. численность русской эмиграции в Берлине сократилась, что объясняется в основном экономическими причинами. В первые годы из-за инфляции в Германии стоимость товаров и услуг для эмигрантов, имевших валюту, была сравнительно низкой. Однако с 1924 г. курс марки начал постепенно стабилизироваться, жизнь для иностранцев дорожала, что повлекло за собой массовый выезд русских из этой страны. Впрочем, он связан не только с экономическими, но и с политическими причинами: еще до прихода к власти Гитлера средства массовой информации в Веймарской республике стали подогревать настроение враждебности по отношению к иностранцам с левыми взглядами, эмигрантам-евреям и т. д. В целом чис-

ленность русской диаспоры в Германии сократилась с 240 тыс. человек в 1922 г. до 90 тыс. в 1930 г. (см. [10, с. 32]).

Значительная часть тех, кто в эти годы покинул Германию, обосновалась в Чехословакии. Проводившаяся правительством этой страны и президентом Масариком «Русская акция» явилась существенной поддержкой для представителей научного Зарубежья России. Как и многие другие политики, Масарик надеялся на недолговечность советского режима, поэтому одной из главных целей «Русской акции» была подготовка кадров, в том числе научных, для постбольшевистской России.

Под покровительством Карлова университета в Праге был создан Русский юридический факультет. Помимо него, для эмигрантов из России открылись Педагогический институт, Институт сельскохозяйственной кооперации, Высшее училище техников путей сообщения, Русский институт коммерческих знаний, Русский народный университет. Дружественным актом со стороны чехословацкого правительства стало учреждение 1000 стипендий для русских студентов (затем число стипендий было увеличено до 2000).

В профессорско-преподавательском составе этих учебных заведений Чехословакии оказался ряд видных деятелей высшей школы дореволюционной России. Это были высланные в 1922 г. историк А. А. Кизеветтер, экономист С. Н. Прокопович, философ Н. О. Лосский, юрист П. И. Новгородцев, которые вместе с уехавшими ранее историками Н. П. Кондаковым и В. А. Мякотиным, философом В. В. Зеньковским и другими учеными являлись как бы ядром русской научной эмиграции. Широкую известность и за пределами Чехословакии получил семинар Кондакова — своего рода центр исследований византийской и славянской культур. Высокий научный авторитет имел Экономический кабинет, основанный в Берлине крупным специалистом в области экономической статистики С. Н. Прокоповичем, переведенный затем в Прагу.

На первых порах главной задачей Русского народного университета, открытого в Праге в 1923 г., была организация вечерних занятий для русских эмигрантов, не имевших возможности учиться на дневном факультете. Через несколько лет он превратился в солидный научный центр, где эмигранты могли проводить исследования, выступать с лекциями и докладами. Издание начиная с 1928 г. сборников научных трудов содействовало тому, что Русский народный университет в Праге стал наиболее заметным академическим центром русского Зарубежья довоенного периода.

Париж — признанная мекка русской эмиграции для деятелей литературы, искусства, политики — не оказался в такой же степени притягательным для ученых из-за отсутствия организованной поддержки, аналогичной «Русской акции» в Праге. Большинство учебных и научных учреждений, включая Парижский университет, отнюдь не собирались менять сложившиеся структуры, чтобы найти применение научным кадрам из России. При правительственной поддержке в Сорбонне был организован курс изучения русской литературы и истории. Русские профессора привлекались также для чтения лекций по советскому и международному законодательству, социологии и философии права. Эти лекции посещали учившиеся в Сорбонне студенты-эмигранты из России. Тем не менее для получения диплома русские студенты должны были выполнять все те требования, которые предъявлялись французским студентам.

Учебным заведением, созданным в Париже для русских эмигрантов, стал Народный (свободный) университет, где лекции читались в вечернее время и выходные дни. Руководители университета особую заботу проявляли о молодом поколении. Так, по четвергам (неучебный день в довоенной Франции) и субботам проводились специальные занятия для подростков.

Эмигранты из России могли получить образование также в Технологическом институте (дневная и заочная форма обучения), Православном богословском институте, Франко-русском институте, Коммерческом институте, Русской консерватории им. С. Рахманинова (см. [11]). В этих учебных заведениях преподавание велось, как правило, на русском языке.

Еще одним научным центром русской эмиграции являлся Белград. Основную роль в объединении оказавшихся в этом городе ученых и преподавателей из России играл созданный для них Белградский научный институт. Большим достижением этого института, существовавшего до начала второй мировой войны, стало издание научных трудов — их было выпущено 11 томов. Кроме того, выпускались библиографические справочники работ на русском языке. В Белграде работал ряд крупных ученых-выходцев из России, например экономист и историк П. Б. Струве. Тем не менее в целом научная атмосфера в этом городе, по отзывам современников, была несколько провинциальной. Вероятно, в какой-то мере на этом сказывалось своеобразие русской диаспоры в Югославии с ее явным монархическим настроем, существенным влиянием многочисленной военной и казаческой прослойки.

Академические группы русских ученых были созданы также в Риге, Софии, Варшаве. По научному составу эти группы были менее значительными, поэтому для поддержания полноценной научной жизни они старались приглашать в качестве лекторов русских ученых из других центров. В 30-е гг. националистические настроения среди местного населения отрицательно сказались и на активности русских академических групп.

Помимо названных европейских городов, крупный центр русской эмиграции возник в Манчжурии, в Харбине. Если прежде задачи русской колонии в этом городе состояли главным образом в управлении Китайско-Восточной железной дорогой, то после начала массовой эмиграции Харбин принял на себя также функции центра образования, в том числе высшего, для молодого поколения русских эмигрантов.

Солидным высшим учебным заведением с квалифицированным преподавательским составом был Юридический факультет, представлявший собой по существу институт. Кроме юриспруденции здесь читались лекции по русскому и китайскому праву, социологии, истории, экономике. Преподавание велось на русском и частично английском языках, учились как русские, так и китайские студенты.

Такой же принцип (обучение не только русской, но и китайской молодежи) был принят еще двумя харбинскими вузами — Политехническим институтом и Институтом восточных и коммерческих наук. По сравнению с Юридическим факультетом эти институты решали в основном прикладные задачи: готовили инженеров и администраторов для работы на КВЖД, для чего студентов, в частности, знакомили с основами экономики Китая.

Для русских в Харбине были открыты также Высшая богословская школа и Высшее медицинское училище.

После заключения советско-китайского договора о КВЖД и захвата Манчжурии японцами харбинская русская колония рассеялась по всему свету. Но и сегодня ветераны КВЖД и их потомки, проживающие в США, Австралии и других странах, берегут традиции российской дальневосточной диаспоры.

Для большинства ученых, эмигрировавших из России, получить место в научных учреждениях страны пребывания было, как правило, непросто. Для чтения лекций и научной работы охотно приглашали лишь тех, кто имел высокий авторитет в научном мире еще до эмиграции. Так, Брюссельский университет предложил профессорскую должность историку А. Экку, на кафедру славянской физиологии Венского университета был приглашен Н. С. Трубецкой, в Парижской высшей практической школе работали Г. Д. Гурвич, А. Койре, Н. О. Шупак и т. д. Некоторые институты имели традиционные научные связи с Россией еще с дореволюционных времен, это способствовало иногда появлению в них целой группы выходцев из России. Такими организациями являлись, например, Институт Пастера, где работали А. М. Безредка, С. И. Метальников, И. И. Манухин, В. Н. Анри (Крылов) и многие другие, а также Музей человека, куда были приглашены Е. Г. Шрейдер, Б. В. Вильде, А. Левицкий. В основном же западные институты и университеты встречали русских эмигрантов без большого энтузиазма. Шансы приезжих ученых повышались, если они свободно владели местным языком (так П. М. Бицилли оказался в Софии, а Ф. В. Тарановский —

в Белграде) или отсутствовала конкуренция при занятии вакансии (такая ситуация была более характерной для провинциальных городов) [10, с. 65].

Выше шла речь о научных центрах, расположенных, за исключением харбинского, в городах Западной Европы. То, что выехавшие из России ученые и преподаватели высшей школы устремились именно туда, вполне объяснимо: помимо традиционных научных связей, определенную роль сыграло желание изгнанников остаться поближе к России в надежде на недолговечность большевистского режима. Другая часть потока научно-технической интеллигенции решила на более далекое путешествие, избрав для себя местом эмиграции Америку. Стремление обосноваться в США было более характерным для тех, кто уже получил известность своими работами в области техники. Так, за океаном оказалась большая группа авиационных конструкторов, включая И. И. Сикорского, М. Е. Глухарева, Г. А. Ботезата и др., уже упоминавшиеся академики С. П. Тимошенко и В. Н. Ипатьев.

Применение своим силам на фирмах США пробовали найти и сотни других, менее известных инженеров и научных работников. Лишь немногие из них получили мировое признание, как «отец телевидения» В. К. Зворыкин или директор Национальной радиоастрономической обсерватории США О. Л. Струве.

Изучение формирования и деятельности научного Зарубежья России является актуальной проблемой для отечественной истории науки и техники.

По известным причинам так называемая эмигрантская литература, многие труды зарубежных историков, социологов, философов, писавших о России, были малодоступны для исследователей в предыдущие годы. Отечественные работы по истории науки и техники до сих пор имеют «белые пятна» и искажения в том, что касается деятельности российских ученых-эмигрантов.

Представляют также интерес социально-психологические аспекты работы ученых в эмиграции, вопросы взаимодействия национальных культур и различных научных школ, проблемы сохранения документов о деятельности научного Зарубежья России и т. п.

ИИЕТ РАН была составлена и выполняется программа комплексных исследований «Научное Зарубежье России». Исполнителями программы являются сотрудники ИИЕТ РАН (включая Санкт-Петербургский филиал), ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, специалисты Болгарии, Италии, США, Канады.

К направлениям работы относятся:

- изучение глобальных процессов миграции научных кадров;
- анализ взаимодействия национальных культур как фактора развития мирового сообщества;
- исследование вклада ученых-эмигрантов из России и СССР в мировую науку и технику;
- подготовка материалов и публикаций, объективно освещающих деятельность научного Зарубежья России, для использования в трудах по истории науки и техники.

Список литературы

1. V. N. Ipatieff Testimonial in honour of three milestones in career. Chicago, 1942.
2. Wolf J. Vladimir K. Zworykin // Proc. JRE. 1957. Vol. 45. № 4. P. 445—447.
3. Писаренко Г. С. Степан Прокофьевич Тимошенко. М., 1991.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. 3.
6. Радовский М. И. Из истории англо-русских научных связей. М.; Л., 1961.
7. Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989.
8. БСЭ. 3-е изд. Т. 30.
9. Новиков М. М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага, 1935.
10. Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919—1939. N.Y., Oxford, 1990.
11. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971.